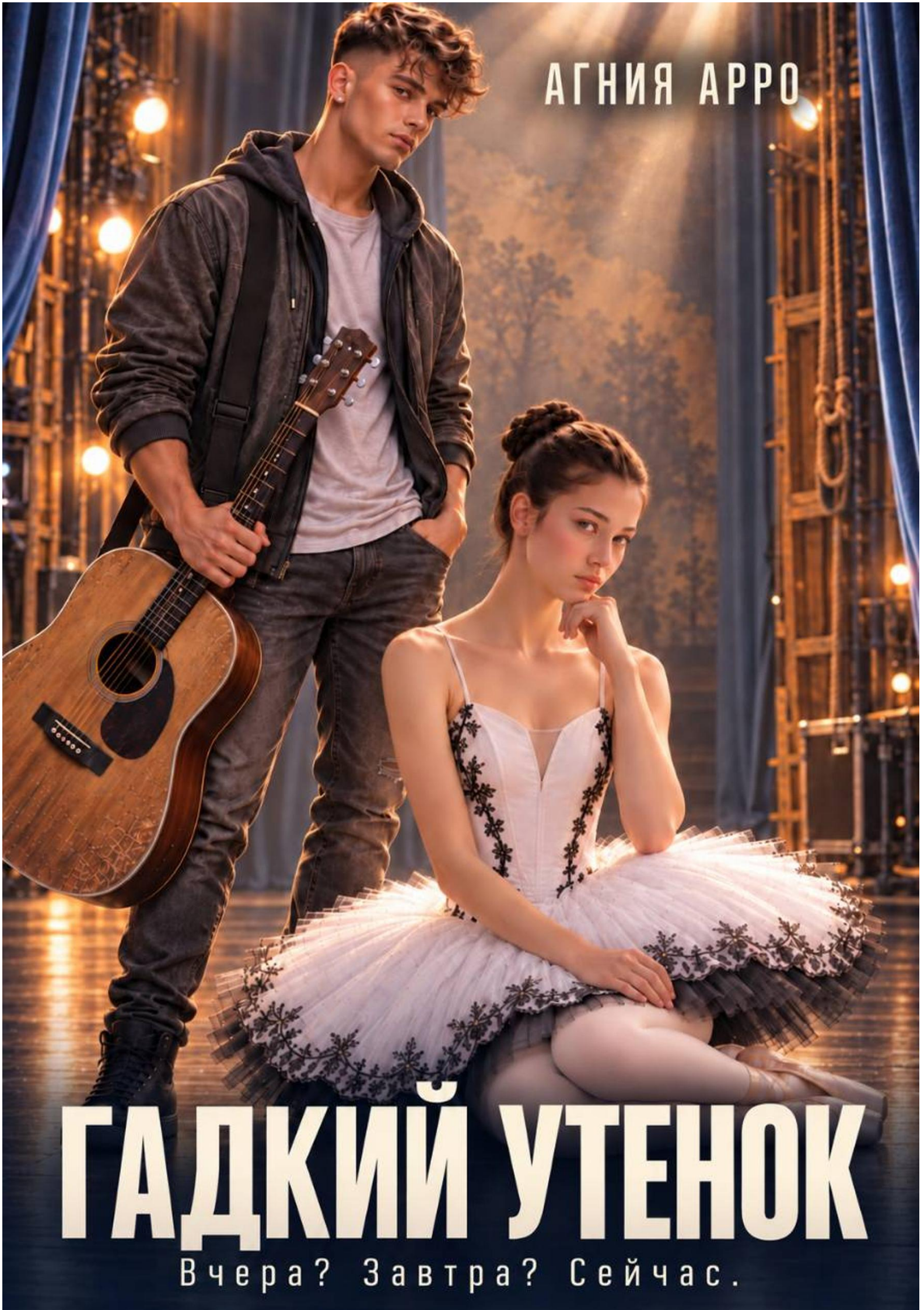
АГНИЯ АРРО
ГАДКИЙ УТЕНОК
Вчера? Завтра? Сейчас.

Агния Арро

Гадкий утенок

«Автор»
2026

Арро А.

Гадкий утенок / А. Арро — «Автор», 2026

Его главная ценность — потертая гитара. Он зарабатывает, играя на улицах города, гуляет по крышам, любит нарушать правила и больше не верит в то, что мечты сбываются.У нее есть все: учеба в элитном лицее, любящая семья, друзья. Она мечтает о большой сцене и главной партии в балетной постановке.Она не знает, сколько времени у нее впереди. Он живет так, будто его бесконечно много.Упрямая девочка, которая никогда не сдается, и парень с грустными глазами однажды встречаются, чтобы навсегда изменить жизнь друг друга. Но в какую сторону?***Есть мечты, которые слишком важны, чтобы однажды от них отказаться. Есть чувства, которые приходят без предупреждения. И иногда привычное «потом» внезапно перестает казаться таким надежным.Вчера? Завтра? Сейчас.

© Арро А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Агния Арро
Гадкий утенок

Вчера? Завтра? Сейчас.

Глава 1

Несси

Я кричу, но из горла вырывается лишь хрип и скулеж с жалкими всхлипываниями. Все тело будто выворачивает наизнанку. Его бьет и подкидывает от сильной дрожи.

— Тише, тише. Потерпи. Сейчас пройдет.

Кто-то гладит меня по голове. Или мне кажется?

Я перестаю что-либо чувствовать. Только слабость. В глазах темнеет, веки весят по тонне каждое. Не открываются. И я отключаюсь, но только для того, чтобы спустя секунду резко открыть глаза от ослепляюще яркого света. Сознание вязкое до тошноты. Передо мной постепенно проявляется силуэт. Затем я различаю белый халат, лицо — женское, хмурое и усталое. Вместе с ним возвращаются голоса, запах маминых духов и корицы.

— Это случилось снова, — хриплю, пытаясь спрятаться под одеяло, но, осознав страшное, резко выныриваю обратно. Меня захлестывает паника. Голова, и без того чумная, кружится сильнее, а тошнота вновь подступает к горлу.

— Что же ты делаешь, Несс? — вздыхает мама, мягко прихватив меня за плечи и укладывая обратно.

Женщина в белом халате куда-то делась, я пропустила момент ее исчезновения.

— Все в порядке. — Мама гладит меня по руке. — В лицее я все уладила. На этот раз, — мрачно добавляет она.

Мне не нравится ее тон, бледное лицо, покрасневшие глаза с опухшими веками и натянутая улыбка. Аккуратно приподнимаюсь на локтях. Комната больше не кружится, и, кроме слабости и глупого желания расплакаться, забравшись на колени к маме, все остальное вроде бы в порядке.

— Что значит, на этот раз? — Стискиваю ее пальцы. Она вздрагивает, но руку не отнимает.

— Они боятся, и мы не можем их в этом винить. Возможно, пришло время поискать себе другую мечту. Менее... рискованную?

Несколько секунд я просто смотрю на нее. Жду, что она улыбнется и скажет, что это глупая шутка. Мама отводит взгляд.

— У меня нет другой мечты, — упрямо и обиженно отвечаю ей.

В палату возвращается врач, просит меня лечь и несколько раз спрашивает, помню ли я, что было перед приступом.

Еще несколько часов они держат меня в больнице. Мама разговаривает с каким-то профессором в коридоре, папа звонит каждые десять минут. Я лежу лицом к стене и пытаюсь вспомнить, где остался мой рюкзак, запирала ли я шкафчик, и представляю, что говорили обо мне в лицее сегодня.

— Можем собираться. — Мама в очередной раз за день возвращается в палату. Бумаг в ее руках становится все больше. Она сворачивает их в трубочку и ставит в сумку.

Дорогу домой почти не замечаю. Мама держит меня за руку и коротко отвечает на звонок отца, пока я рассматриваю чехол водительского кресла, внутренне бунтуя от нежелания отказываться от мечты.

А вот и рюкзак. Он стоит в прихожей рядом с зеркалом. Интересно, как он сюда попал?

От меня ужасно пахнет потом и больницей. Я очень хочу в душ, но сил пока хватает только на то, чтобы добраться до своей кровати. Подушка аж хрустит от чистоты — значит, домработница приходила. Может быть, она и съездила за моими вещами по просьбе кого-то из родителей.

Мама приносит бульон и ставит поднос на тумбочку. Я съедаю несколько ложек, забираюсь под одеяло и проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь, когда за окнами уже темно. Горит только настольная лампа. Мама сидит рядом с кроватью и выпрямляется, стоит мне пошевелиться. Как же я ненавижу такие моменты! И как меня переполняют благодарность и нежность к той, кто в трудный момент снова оказывается рядом, жертвуя собственным временем, амбициями, жизнью.

— Тебе что-нибудь принести?

— Нет. — Приподнимаюсь на локтях, прислушиваюсь к себе. Вроде ничего, стало получше.

Спускаю ноги на пол. Мама тянется ко мне. Я отстраняю ее руку, но ноги дрожат, стоит мне встать. Опускаюсь на ковер, прислоняюсь к кровати и сижу так несколько минут. Мама наблюдает за мной.

— Хватит смотреть на меня так, словно я уже мертва.

— Не надо так, Несс, — тихо просит она.

— Но это ведь правда, мама. Каждый день вы делаете это. Никто из вас по-настоящему не верит в другой исход. Вы жалеете меня и думаете, кого будете звать на мои похороны.

— Несси, не надо...

— Я просто хочу танцевать. Столько, сколько смогу. Пожалуйста. Я просто хочу танцевать...

Мама садится со мной на пол, обнимает, прижимает к себе и качает, как в детстве.

— Мы тебя вылечим, слышишь? — говорит слишком уверенно, чтобы в это можно было поверить. — Обязательно.

Я заглядываю в ее все еще напуганные, усталые глаза и чувствую себя тварью.

— Прости меня, — хрипло умоляю и сминаю пальцами ткань ее блузки.

— Все хорошо. Ты не виновата. — Она прижимается губами к моему лбу.

— Почему ты так говоришь? — Отстраняюсь и теперь смотрю на нее возмущенно. — Это ведь неправда. Я виновата. Наговорила тебе ужасных вещей.

Мама проводит ладонью по моим волосам.

— Ты права, моя малышка. Твои слова ужасны, но это не значит, что лживы. Папа договорится. Ты будешь танцевать. Будешь, я обещаю. И мы... Мы тебя вылечим.

— Где тут мой утенок? — В комнату вламывается Герман, мой брат-близнец, и со всей моей любовью к нему сейчас его хочется убить, потому что за наигранной веселостью я слишком отчетливо слышу страх, а он — мой самый главный спутник, мой враг и моя мотивация не сдаваться. Не сегодня. Нет. Не сейчас.

— Утенок тебя сейчас задушит, — предупреждаю я.

— Для этого тебе сначала придется встать. — Гера дразнит меня, сложив руки на груди и хитро улыбаясь.

— Герман! — возмущается мама, поднявшись с пола.

Брат сбрасывает свой рюкзак возле двери.

— Я не издеваюсь. Я вижу, что вы тут совсем раскисли, и мне это не нравится. Предлагаю Несс выйти на улицу. На полчасика. Подышит свежим воздухом, ей станет лучше.

— Нет. — Мама очень категорична.

— Да перестань. — Но брата этим не проймешь. — Я все время буду рядом. Если что-то пойдет не так, сразу вернемся.

— Нет, Герман.

Через час споров мама сдается. Гера застегивает на мне куртку, за что получает толчок в плечо и возмущенное сопение:

— Я могу сама.

Мама заставляет его взять воду и еще раз пообещать, что он никуда от меня не отойдет.

В лифте брат держит меня под локоть. На первом этаже я выдергиваю руку. Он молча открывает дверь, и мы медленно идем через закрытый, охраняемый двор жилого комплекса к шлагбауму, за которым виден старый парк. До него идти всего несколько минут. Старые деревья подступают к дорожке, их корни местами приподняли асфальт. Желтые листья сбились у бордюров и шуршат под колесами детского самоката.

До первой свободной скамейки дохожу без проблем, ощущая лишь неприятную слабость, которая, я надеюсь, скоро совсем пройдет. Между ветками еще светлеет небо, но фонари уже горят. За деревьями шумит дорога.

Герман протягивает воду. Я делаю глоток и возвращаю бутылку.

— Ну что? — спрашивает он, присаживаясь рядом.

— Я все еще не умерла.

— Можешь хотя бы пять минут не говорить о смерти?

Я пожимаю плечами. В кармане Германа звонит телефон. Он достает его. На экране — фотография отца.

— Ответь, — прошу брата. — Он маму уже замучил.

Герман отходит к краю дорожки, откуда все равно может меня видеть. Я собираюсь показать ему язык, но рядом звучит гитара.

Тут же оглядываюсь в поисках звука. Раньше я его тут не слышала.

На низком бортике у соседней дорожки сидит парень с потертой гитарой на коленях. Чехол лежит у ног, на темной ткани блестят монеты. Слушатели уходят, а он заканчивает мелодию.

— Еще одну, — прошу я, когда он наклоняется к чехлу.

Парень оборачивается. Кудри падают на лоб, виски коротко выстрижены, в ухе блестит серьга.

— Я закончил, — не очень дружелюбно отвечает он, пряча заработанную мелочь в карман.

— Пожалуйста. — Складываю ладони домиком и улыбаюсь.

Он смотрит на пустую дорожку, потом на меня. Вздыхает и возвращает гитару на колено.

— Только одну, — предупреждает сразу.

Я закрываю глаза. На первые восемь счетов сразу ложатся шаги. Еще через восемь хочется встать и проверить их. Я остаюсь на скамейке и двигаю только стопой. Ближе к концу он начинает спешить.

— Ты сбился, — говорю я, когда звук стихает.

— Где? — Хмурит брови, снова глядя на меня недовольно.

Отстукиваю пальцами по скамейке несколько последних счетов.

— Перед последним аккордом ускорился.

— Не сбился. — Он проигрывает несколько аккордов, сдувает кудри со лба и поднимает подбородок выше.

— Сбился, — спорю я.

— Много ты понимаешь… — А сам снова перебирает струны, теперь попадая в ритм. Его лицо мрачнеет. Наверное, понял, что я была права, но признать, что проиграл спор девчонке, не желает. — В музыкалке учишься?

— Нет. — Двигаюсь к самому краю скамейки, чтобы говорить было удобнее.

— Тогда откуда знаешь?

— Слышу. — Развожу руками.

— Я Дин. А ты?

Герман заканчивает разговор и идет обратно. Я поднимаюсь, пока он не успел прицепиться с нравоучениями.

— В следующий раз скажу, — отвечаю парню и улыбаюсь.

Глава 2

Несси

Последнюю шпильку нахожу на дне рюкзака, под тетрадью по истории. Становлюсь перед зеркалом в раздевалке и закалываю выбившуюся прядь. Теперь можно в зал.

Нельзя в зал. Вчера врач разрешил мне вернуться на обычные уроки и попросил забыть о репетициях до следующего осмотра. Я кивала, пока он говорил, а утром все равно сделала пучок.

Рядом хлопают дверцы шкафчиков. Девчонки ищут форму, переодеваются. Я достаю учебник и слышу свое имя.

— Каледина пришла, — шепчет Диана Петраковская за моей спиной. В зеркале вижу, как она поправляет воротник подруге, Лизе Матвеевой. — Спроси у нее, надолго тебе дали первый ряд.

— Отстань. — Та отталкивает ее руку и бросает быстрый взгляд на меня. — Не буду я спрашивать. Меня только вчера переставили, и я собираюсь там задержаться.

— Но сегодня Каледина снова здесь. Не привыкай.

— Да пошла ты. — Лиза хватает свою сумку и резко дергает собачку на молнии, но она застревает, и ей приходится сделать еще несколько рывков. — Подруга, называется. — Вешает широкий ремень сумки на плечо и проходит мимо меня.

Диана ее догоняет, и их дальнейший разговор тонет в шумном коридоре. Остальные девочки тоже довольно быстро собираются и расходятся. Я хочу спросить у кого-нибудь из них, что еще успели поменять в группе, пока меня не было, но так и стою с учебником в руках.

— Ты чего застыла? Привет. — Лили, моя лучшая подруга, появляется из-за открытого шкафчика. На запястье у нее резинка, которую она вчера искала по всему дому, пока мы переписывались. — Ты видела мое сообщение?

— Про резинку? — улыбаюсь ей. — Она у тебя на руке.

— Да при чем тут резинка? — Лили смешно морщит нос и приглаживает волосы по бокам, заглядывая в зеркало. — Последнее, Несс. Ты вчера на него так и не ответила. Ай! — Взмахивает рукой и лезет в рюкзак за телефоном. — Это. — Тычет пальцем в экран, открыв наш милый, девчачий чатик с обоями в единорогах.

На самом деле это была просто шутка, никто из нас давно не верит в лошадей с крыльями и радужным хвостом, но у нас было хорошее настроение, мы дурачились и выбрали этот глупый фон для своего личного пространства. Он прижился.

Лили сопит, продолжая тыкать в фотографию сочинения, исписанного замечаниями преподавателя. Я вчера заснула с телефоном в ладони и это сообщение пропустила, а утром еще не заходила в мессенджер.

— Какой ужас. Похоже, она и правда тебя невзлюбила. Что будешь делать?

— Она дала мне время на исправление до пятницы. — Лили наконец стягивает резинку с запястья и прячет в карман школьных брюк. — Я надеялась, ты меня спасешь. Если я получу низший балл, отец меня четвертует и идти с тобой на концерт будет некому.

Концерт. Черт... Я успела забыть о нем за всеми последними событиями. Мы билеты купили еще три месяца назад, а сейчас их нет, только у перекупщиков. Родители не знают. Вряд ли мама теперь меня отпустит.

— Несси. — Лили теребит меня за рукав белой блузки.

— Приходи ко мне с ночевкой, — предлагаю ей. — Что-нибудь придумаем. — Замечаю ее странный взгляд на мой пучок. — Что?

— Ты ведь сегодня только на уроки? — Лили настороженно уточняет.

Вчера я ей об этом написала, просто пучок сбивает ее с толку. Меня тоже.

— Только на уроки, — подтверждаю вслух.

Она выдыхает так, словно ей резко стало легче дышать, и тянет меня за собой прочь из раздевалки.

— Бежим. — Все ускоряется и ускоряется Лили. — А то нам обеим попадет, если опоздаем.

Но даже при такой скорости нас обгоняет несколько девочек из группы. Еще за спиной они громко смеялись над чем-то, а, опередив нас с Лили, затихли. Одна оглянулась и тут же отвернулась обратно. Как здорово! Теперь весь лицей будет смотреть на меня как на прокаженную, шептаться по углам, обмусоливая случившееся, и ждать, когда я снова упаду, чтобы наконец занять мое место на сцене.

Не дождутся!

В класс вхожу слишком резко, врезаюсь в спину Лили и застываю. В коридоре раздается звонок, а преподаватель медленно разворачивается к нам.

— Мамедова, Каледина, минус балл.

— За что? — возмущается Лили.

— Вы опоздали. — Преподаватель отворачивается к доске.

— Нет. — Я выхожу из-за спины подруги. — Звонок был же после того, как мы вошли.

— Минус два балла. Изволите продолжить пререкаться или пройдете на свое место и прекратите мешать мне вести занятие?

Диана отправляет мне довольную улыбку со своего места, а Лили в ответ показывает ей средний палец. Еле сдерживаю смех, чтобы не выдать подругу, защищающую меня, и не навлечь на нас еще больше проблем.

Проходим к своим местам и сосредотачиваемся на занятии. Сначала все идет вполне неплохо. И следующий урок я тоже переношу нормально, лишь грустно вздохнув, когда преподаватель выдает свое легкое снисхождение к моему состоянию здоровья, тем самым снова дав повод лицею шептаться о случившемся.

К концу занятий уже ощущаются неприятное утомление, слабость, желание положить куда-нибудь мутную, потяжелевшую голову. Сижу на скамейке в просторном светлом холле, прислонившись к прохладной стене. Жду, когда за мной приедет водитель, а Лили вместе с остальными ушла переодеваться для занятий в балетном классе.

Мне становится очень тоскливо и физически больно. Нельзя пропускать. Я должна быть там, с ними, а не собирать насмешливые или жалостливые взгляды. Даже не знаю, что из этого унизительнее.

Когда шум в коридорах и холле стихает, пространство наполняется звуками, которыми живет и дышит ЛКИ: музыкальные инструменты, топот ног танцоров, строгий отсчет такта преподавателями, распевки и театральные реплики. Тут я словно дома, а мне говорят: «Тебе пока нельзя танцевать!» Пф! А что еще мне делать? Они пробовали остановить свое сердце, интересно? Эффект примерно такой же.

Я оставляю свои вещи у охранника и поднимаюсь к репетиционным классам. Музыка и звуки шагов тут становятся отчетливее. Я про себя пытаюсь угадать элемент, который сейчас выполняется за закрытой дверью, мимо которой я прохожу.

Останавливаюсь у арки, ведущей в еще один класс. Встаю в широком проеме, отделяющем его от остальной части коридора, и замираю, подглядывая за занятием своей группы. Девушки еще разогреваются, растягиваются, поправляют ленты пуантов, обхватившие их изящные, но сильные ноги. В центре класса спиной ко мне стоит Рената Арбенина — моя главная соперница за значимые роли в постановках — и смотрит в сторону преподавателя, отошедшего к пианистке.

— Ты все помнишь? — Нина Александровна Светлакова интересуется хорошо поставленным голосом.

— Конечно. Я же учила эту партию. Я вам сразу говорила: Каледина не вытянет. — Рената расправляет плечи. Хотя куда уж больше? Еще немного, и она выгнется в другую сторону.

— Если мне понадобится твое мнение, я обязательно спрошу. В исходную! — Светлакова звонко хлопает в ладоши один раз. Девочки занимают свои места. Я в своих мыслях тоже делаю это, чувствуя, как тело само становится более гибким и готовым к танцу.

Второй звонкий хлопок становится сигналом для пианистки, и Арбенина без угрызений совести начинает исполнение моей партии! Она даже не ошибается почти ни разу, только я бы сделала легче. Она выше меня, тяжелее. Ей не подходит эта роль.

А вот тут нужно быть плавнее. Я долго училась не торопиться в этих нескольких шагах, шлифовала ритм, движения рук и высокий прыжок в конце...

— Погоди, — останавливает ее Нина Александровна. — Еще раз сначала. И легче, легче, Рената. Ты же не слониха на ярмарке. Ты молоденькая уточка. Нежная, ранимая, мечтательная.

Арбенина возвращается на место, готовится начать заново и замечает меня. Секунду мы смотрим друг на друга. Она победно улыбается и вступает под музыку, а я... Я шепчу ей: «Паршивый из тебя получается утенок» — и отхожу, пока меня не заметила Светлакова.

Спускаюсь в холл, забираю свои вещи и выхожу на улицу. Водитель стоит возле машины и ждет меня. Подходит, забирает рюкзак, открывает для меня заднюю пассажирскую дверь и вежливо напоминает, чтобы я пристегнулась.

— Домой или заедем в ваш любимый магазин? — доброжелательно спрашивает Сергей.

— Ничего не хочется. Отвезите меня домой, пожалуйста, — прошу его и отворачиваюсь к окну. За окном проносится город, а у меня перед глазами скачет Арбенина, и я не могу прогнать этот образ из своей головы.

— Настя, у вас телефон звонит, — тихо замечает водитель.

— Точно. Задумалась.

Это, конечно же, мама. Спрашивает, как прошел мой день, как я себя чувствую. Разбитой, расстроенной. Ей об этом не говорю, чтобы не заставлять нервничать еще сильнее. Хватит нам всем стресса.

Когда мы проезжаем мимо старого парка, мне вдруг снова хочется услышать гитару того парня. Только ведь я даже не знаю, там он сегодня или нет. В любом случае прогуляюсь. Воздух свежий, пахнет там очень вкусно, и сейчас не должно быть много людей. Вторая половина дня, все на работе или учебе.

— Мам, а можно я зайду в парк ненадолго? — спрашиваю у нее, когда водитель притормаживает перед шлагбаумом.

— Одна?

— Мам, со мной все в порядке. Меня врач отпустил на занятия, помнишь?

— Лицей — не безлюдный парк, где, если тебе станет плохо, даже помочь будет некому.

— Ма-ма!

Она шумно выдыхает в трубку и просит взять с собой Сергея. Я отказываюсь и прошу время, чтобы побыть наедине с собой. Конечно, она тут же задает вопросы из серии: «Что случилось? Ты меня не обманываешь? Мне приехать?» Успокаиваю и еще раз объясняю, что просто хочу прогуляться. Она все же разрешает, и водитель высаживает меня во дворе, пообещав, что мои вещи поднимет в квартиру сам, чтобы я с ними не таскалась.

Прохожу по аллее, на которой мы в прошлый раз сидели с братом. Дина нет на том месте, где я его видела. Наверное, тоже на учебе. Это нормально. Я иду дальше, глубоко дыша запахом первых опавших листьев, желтеющей травы и влажной земли. Рассматриваю искривленные, толстые стволы деревьев, потертые деревянные скамейки. Сворачиваю к широкой части парка и вижу Дина. Он сидит на гранитном пьедестале и возится со струнами своей гитары, не замечая никого вокруг.

Даже когда я забираюсь на этот пьедестал и сажусь недалеко от него, он видит лишь свой музыкальный инструмент. Кудри падают ему на лоб и попадают в глаза. Он раздраженно их сдувает и проводит пальцами по струнам, внимательно прислушиваясь к звуку.

— Несси, — произношу я.

Дин вздрагивает от неожиданности и поворачивает ко мне голову.

— Что это? — не понимает он.

— Меня так зовут, — смеюсь над его реакцией. — Несси. Вообще-то Анастасия, но все зовут Несси или Несс.

Глава 3

Дин
Трек в главе: «Eckhardt Günther». Frank Zappa

Она открыто смотрит мне в глаза, и это немного сбивает. Я к такому не привык. Люди редко оказываются настолько смелыми, даже взрослые. А она будто что-то там ищет или просто ждет от меня каких-нибудь слов.

— Динар, — зачем-то выдаю полную версию своего имени и тут же затыкаюсь. Играть у меня всегда получалось лучше, чем говорить.

Порыв ветра поднимает подол ее черной юбки. Она со смехом ловит его и крепко прижимает ладонями к коленям. На щеках появляется легкий румянец, а в глазах горит любопытство.

Еще в прошлую встречу эта девчонка показалась мне необычной. Что-то в ней было такое, что заставляло меня все следующие дни возвращаться к ее образу на скамейке. Только в тот день она была чертовски бледная, волосы на висках были влажными, а взгляд усталым, но упрямым.

— Что с гитарой? — Она наклоняется, внимательнее рассматривая наклейку на корпусе. На ней написано: «MUSIC IS MY RELIGION».

— Струны поменял. Настраиваю. «Музыка — моя религия», — перевожу ей то, что написано на наклейке. Она так и не сводит с нее глаз.

— Я знаю, — смеется. — Джими Хендрикс сказал, да?

— Верно. — Меня удивляют ее познания в музыке. Становится интересно поговорить еще немного. — А Фрэнка Заппу знаешь?

Несси задумчиво моргает, прикрывает глаза, хмурит брови и облизывает губы.

— У-у, — крутит головой. — Похоже, не знаю. Расскажешь?

— Однажды я наткнулся на слова, которые запали мне в душу: «Without deviation from the norm, progress is not possible». Без отклонения от нормы прогресс невозможен. Стал искать информацию о том, какой гений подарил их миру, и нашел автора: Фрэнк Заппа в 1971-м выдал это в своем интервью. Я считаю, что только так и можно достичь результата, но большинство людей из моего окружения не способны этого понять. Они все время пытаются втиснуться в какие-то рамки и впихнуть в них меня.

— А ты сопротивляешься? — Она покачивает ногами и стучит кожаными черными туфлями с закрытыми носами по гранитному пьедесталу.

— Я переехал жить на чердак своей пятиэтажки, чтобы они перестали меня доставать. — Взъерошиваю челку, а ветер помогает мне навести хаос на собственной голове.

— Не делай так больше, — вовсю хохочет Несси. — Ты теперь похож на льва, которого неудачно высушили феном.

Пока я возмущенно открываю рот, девчонка тянется к моим волосам и поправляет их, путаясь пальцами в кудрях. Ее запястье оголяется, и я чувствую, чем пахнет ее кожа. Никаких духов — что-то очень приятное, свежее и легкое.

— Так гораздо лучше. — Она убирает от меня руки и снова удерживает юбку. — Какую музыку исполняет Фрэнк? Дин? — зовет она, и я понимаю, что залип в том ощущении, которого уже нет. Встряхиваю головой, волосы снова разлетаются, а Несси вздыхает.

— Я бы сказал, что он экспериментатор. Прогрессивный рок, который он смешивал с джазом, блюзом, фанком или безумной психоделикой. Представляешь, насколько это смело, особенно для тех времен?

— Звучит немного безумно, — признает она. — Я хочу послушать.

Несс достает телефон и в приложении с музыкой вбивает имя Заппы. Нажимает на первую попавшуюся композицию. Ею оказывается «Eckhardt Günther», и тут начинается самое интересное. Эмоции на ее лице все время меняются: сначала она прислушивается, потом пытается понять, удивляется, хмурится, приоткрывает рот, щурит глаза и поворачивает голову так, чтобы ухо было ближе к звукам. Их все время сносит ветром.

Когда трек заканчивается, Несси закрывает приложение и молчит еще примерно минуту.

— Э-э-э, — тянет она. — Это было очень… кхм… необычно.

— Я же говорю, гениально. Но такая музыка не для всех.

И в этот момент в ее взгляде что-то меняется, будто я задел ее за живое. Она дергает подбородок вверх и расправляет плечи.

— Я послушаю еще что-нибудь дома. А что думают твои родители о том, что ты живешь на крыше? Они одобрили? — Несс переводит тему.

Она мне не нравится. Вся магия нашего разговора тут же раскалывается о реальность, и я становлюсь более резким:

— Ты задаешь очень много вопросов.

Крепче перехватываю гитару, вспоминая, зачем вообще притащился в этот парк сегодня. Как и в другие дни, чтобы заработать. Распахнутый чехол лежит у моих ног перед пьедесталом. Вышло солнце, стало теплее, и в парке появились люди. Я немного отодвигаюсь от Несс и беру первые аккорды. Сбиваюсь, злюсь. Она ничего не говорит. Смотрит, как ветер раскачивает красные, желтые, оранжевые и зеленые листья, и все еще стучит туфлями о гранит. Прислушиваюсь к этому ритму. Он неожиданно успокаивает, и я снова начинаю играть.

Одна композиция, вторая. Прохожие останавливаются, короткое время слушают и затем уходят, не оставив мне ни единой монеты, а я слышу, как меняется такт стука туфель Несс. Смотрю на ее ноги. Они как будто танцуют сами по себе.

— Так не пойдет, — вдруг заявляет она, слезая с пьедестала. — Играй, не отвлекайся, — командует девчонка.

Делает несколько шагов вперед и замирает. Полы тонкой светлой куртки раздувает новым порывом ветра. Она снимает ее и остается в белой школьной блузке. Еще какое-то время стоит, слушая музыку и глядя на прохожих, и вдруг встает на носочки так, что мыски ее туфель вот-вот сломаются, но она не обращает на них никакого внимания. Раскручивает собственное тело все быстрее и быстрее, идеально вписываясь в музыку. Люди оглядываются, подходят ближе. Несс взмахивает руками, изящно поднимает одну ногу параллельно земле и делает теперь плавный оборот, как статуэтка в шкатулке. В мой чехол летит мелочь, а следом и несколько купюр крупнее.

Мелодия заканчивается, зрители ждут продолжения, но Несси, тяжело дыша, садится на пьедестал рядом со мной. Я играю уже другую песню, но кошусь на нее. Щеки покраснели, но кожа стала очень бледной. Пряди, выбившиеся из пучка, прилипли к лицу. Она впилась пальцами в едва заметный выступ пьедестала и замерла. Люди начали расходиться.

— Ну вот. — Отдышавшись, она смотрит в мой чехол. — Так гораздо лучше. Ты отлично играешь.

— Спасибо. Тебе плохо? — Откладываю гитару и сажусь удобнее, развернув корпус к Несс.

— С чего ты взял? Все отлично! — Она тут же снова выпрямляется слишком резко. — Мне пора идти. — Поднимается и поправляет юбку.

— Ты занимаешься танцами?

— Можно выразиться и так. Учусь в ЛКИ.

Эти три буквы больно режут слух, и я морщусь, но она не замечает, поправляя волосы.

— Оставишь свой номер? — спрашиваю торопливо, пока не ушла.

— Может быть. — Несс пожимает плечами.

— Мы еще увидимся?

— Может быть, — снова повторяет она и спешит прочь по широкой аллее, а ветер вновь норовит задрать ее черную юбку.

Глава 4

Несси

В лифте прислоняюсь к стене и слежу за цифрами над дверью: они стремительно меняются, иногда расплываясь. Злюсь на них и на свое состояние. Сжимаю руки в кулаки и колочу ими по стенке позади себя. От пупка в груди поднимается давящее чувство страха. Если сейчас тут я потеряю сознание, будет совсем невесело.

Почему же все вернулось? Ну почему?! Врачи, тяжелое лечение, обещания, результаты, возвращение на сцену — и все. Все коту под хвост, как говорила моя бабушка.

Выхожу из лифта и жалею, что все свои вещи оставила Сергею. Спускаюсь на лестничный пролет ниже, к окну, и в нем пытаюсь разглядеть свое отражение. Поправляю волосы, рубашку аккуратно заправляю под пояс юбки и ровнее кладу на плечи капюшон куртки. Только после этого поднимаюсь обратно и нажимаю на кнопку звонка, зная, что мама уже дома или она вообще никуда не ходила сегодня, что гораздо вероятнее. Но дверь мне открывает Герман с набитым ртом.

— Ты когда-нибудь прекратишь есть? — смеюсь над близнецом. Он активно работает челюстью, держа в руке бутерброд с ветчиной и сыром.

— Это ты у нас на вечной диете. — Проглотив, он отступает, чтобы не мешать мне снимать верхнюю одежду. — А я наращиваю мышечную массу, хожу в зал. Тренер говорит, мне надо есть.

— Обжора, — показываю ему язык.

— Ты ничего не понимаешь. Девчонкам нравятся кубики. — Он задирает футболку и напрягает пресс. Выглядит и правда отлично, но я ему об этом не скажу.

— Фу. — Кривлюсь и зажмуриваюсь. — Прекрати.

Брат смеется, ставит мои туфли на полку и заталкивает в рот остатки бутерброда.

Закрываюсь в своей комнате и на несколько секунд прислоняюсь спиной к двери, все еще чувствуя остатки неприятной слабости. Через пару дней пройдет, я знаю.

Снимаю юбку, испачканную на подоле пылью от пьедестала, и вместе с рубашкой бросаю в корзину для белья. Вытаскиваю шпильки из пучка. Одна погнулась. Когда успела? Бросаю ее на стол и ложусь на кровать поверх покрывала. В голове все еще звучит гитара вперемешку с шелестом ветра. Кажется, на моем последнем повороте Дин чуть замедлил музыку, чтобы я успела закончить движение. Или мне хочется так думать.

Почему я вообще о нем думаю? Улыбаюсь, ведь мне это нравится, а я всегда делаю то, что мне нравится.

— Утенок. — Гера сует нос в мою комнату. Едва успеваю прикрыться краем покрывала и недовольно на него фыркнуть. — Извини. — Он закрывает глаза, но уходить не торопится. — Мама сказала приходить на ужин через десять минут.

— Хорошо, скоро буду. А теперь выйди.

— Да-да, сорри, — бормочет он и исчезает, так и не открыв глаза.

— Дурак, — вздыхаю я, поднимаясь с кровати.

Я чувствую себя уже гораздо лучше. Только неприятная тяжесть и муть в голове, но в остальном все нормально. А в душе снова приходит липкий страх. Прозрачные капли стекают по плитке, напоминая мои слезы от головной боли, которая не прекращалась часами, или мой пот, когда она отступала и тело становилось ватным от слабости. Врачи еще не сказали ничего конкретного. Может быть, дело именно в этом. А может быть, в том, что я знаю, что они скажут.

Закрыв глаза, еще долго стою под водой. Мама зовет меня из комнаты, стучит, волнуется. Не хочу, чтобы она волновалась и снова смотрела на меня как на больную.

— Сейчас приду! — перекрикиваю шум душа.

Выключаю воду и вытираюсь мягким полотенцем. Провожу ладонью по запотевшему зеркалу, смотрю на себя. Щеки порозовели, мокрые русые пряди прилипли к щекам. Глаза выдают мои мысли, и, пока я одеваюсь и подсушиваю волосы феном, снова переключаюсь на прогулку, музыку и Дина.

Отец сразу замечает мою улыбку.

— Сегодня произошло что-то хорошее? — Он смотрит на меня, а сам протягивает раскрытую ладонь к Герману, залипшему в телефон.

У нас есть правило: когда вся семья собирается вместе, никаких гаджетов, если нет ничего экстремального. Оно появилось после того, как мне поставили диагноз и жизнь отца, матери, бабушки и брата превратилась в кошмар. Наверное, тогда все мы переоценили некоторые вещи и поняли, насколько важными могут быть простые семейные ужины. Тем более они действительно случаются не так часто. У родителей бизнес, у нас с братом учеба и свои цели.

— Я гуляла в старом парке. — Накладываю себе немного греческого салата.

— Была у озера? Утки уже улетели?

— Нет, не была. А его разве не закрыли для посещения? — Я не помню, и моя спина вдруг становится потной от этого.

— Ты плохо себя чувствуешь? — тут же замечает мама.

— Все в порядке. Немного устала в лицее.

А в мыслях кружится: «Я что, теряю память?» И есть не хочется даже салат. Меня начинает мутить.

— Точно. — Папа хлопает ладонью по столу. — Администрация давала указание, чтобы берег укрепили и никто не свалился в воду. Надо проверить, может быть, они уже закончили работы. Там было красиво.

Я выдыхаю с облегчением. Все в порядке с моей памятью. Боже, как все дрожит внутри…

— Ты уверена, что все нормально? — не успокаивается мама.

— Не надо, пожалуйста, — прошу ее. — Ты снова это делаешь.

— Ты права. — Она отступает. — Мне звонила мама Лили. Я сказала, что не против, чтобы она переночевала у нас. Их водитель скоро привезет ее. Только у меня есть условие: вы не ляжете спать слишком поздно. Обещаешь?

— Обещаю. — Заставляю себя проглотить сыр с сочным томатом в соусе, и тошнота становится сильнее. Чертов стресс меня раздражает. Надо взять себя в руки. У меня слишком грандиозные планы, чтобы позволять страху взять верх. — Я пойду к себе, ладно? Приготовлюсь к приезду Лили. Мы будем исправлять ее сочинение.

Родители не спорят и позволяют мне уйти. Я спокойно дохожу до своей комнаты и только оттуда резко срываюсь к туалету. Меня все же тошнит. Потом я еще долго сижу на полу возле унитаза и тяжело дышу. Горло гадко дерет, глаза слезятся.

— Несс. — Передо мной присаживается испуганная подруга.

— Тише, — шепчу ей, — не шуми. Все хорошо.

— Позвать маму?

— Не вздумай. Я тогда никогда на сцену не выйду и на концерт мы с тобой не пойдем. Обычное расстройство желудка. Ты принесла свое сочинение? — Поднимаюсь с пола и разворачиваюсь к раковине.

— Конечно. Я часть уже исправила. Посмотришь?

Кивнув Лили, тщательно чищу зубы, умываюсь прохладной водой, забираюсь на кровать и беру у подруги тетрадь. Пока она проверяет у меня геометрию, я читаю ее сочинение.

Тема: «Образ Катерины в драме А. Н. Островского „Гроза“». В первом же абзаце Тихон почему-то не любит жену, Островский лично называет Катерину «лучом света», а Борис почти спасает ее от семьи Кабановых.

— Лили, ты точно пьесу читала? — Зажав в руке карандаш, подозрительно кошусь на подругу.

— Краткое содержание считается? — Она что-то исправляет в моей тетради.

— Хорошо, что в этот раз не обзор того недалекого блогера, — дразню ее.

— Это скучно, Несс, — хнычет Лили. — Ты вот опять косячишь в задаче, я же над тобой не издеваюсь. — Смотрит на меня, состроив самый обиженный в мире взгляд и надув щеки.

— Прекрати. — Хохочу, закрыв лицо ее тетрадью.

Мы толкаемся и бесимся, подшучивая друг над другом, а затем снова принимаемся проверять домашку. Я зачеркиваю фамилию Островского возле «луча света», пишу на полях: Добролюбов. Дальше исправляю: Тихон жену любит по-своему, только против матери слова сказать не может. Катерина сама признается, что скорее жалеет его, а Борис никакого спасения ей не предлагает. В конце вообще уезжает. И все это помогает мне справиться с паникой. Будто меня заземлили, вернули в мое нормальное «сегодня», и я вновь могу насладиться каждой его минутой.

У Лили телефон жужжит и мигает. Она молниеносно хватает его и с сияющим взглядом строчит ответное сообщение обеими руками.

— Ты снова его простила? — Отложив ее тетрадь, двигаюсь ближе.

— Думаешь, зря? — Подруга откладывает телефон, прикладывается виском к моему плечу.

— Не знаю. — Я ее обнимаю, думая, как приятно не быть одной в своем кошмаре. — Снова будешь плакать. Я на твоей стороне, Лил, ты же знаешь. Просто волнуюсь и не хочу, чтобы тебе было больно.

— Я тоже за тебя волнуюсь, — очень тихо отвечает она.

— Я справлюсь. Давай не будем об этом. Послушаем музыку?

Лили соглашается, и я тянусь за своим телефоном. Приложение сохранило в поиске последний запрос, и я вспоминаю, что обещала Дину еще раз попробовать послушать Заппу. Нахожу другие его треки, включаю. Лили смотрит на меня с большим удивлением и какое-то время терпит, но мы обе понимаем, что это не наше. Для меня — к сожалению. А она с облегчением выдыхает, когда я меняю музыку на свою волну.

— И что это было? — Подруга потягивается и косится на свой телефон, ожидая нового сообщения, но его все нет.

— Один парень дал послушать, — признаюсь ей.

— Парень? Симпатичный? Как зовут? Сколько лет? — Лил нападает с вопросами.

— Дин. Кажется, мой ровесник. Симпатичный.

— И? — Она нетерпеливо ерзает.

— И все. — Развожу руками. — Попросил мой номер, я не дала.

— Почему, если он тебе понравился?

— Не знаю… — Взволнованно заплетаю растрепанные волосы в небрежную косу. — Не знаю, Лили. Съезжу к врачу, потом решу.

Глава 5

Дин

Монеты раскатываются по столу, одна падает и укатывается под кровать, собранную мной из старых, но еще вполне прочных досок, найденных у мусорных баков нового жилого комплекса, который строится недалеко от нас. А что такого? Я же не на помойке лазил, а людям не надо — они выносят строительный мусор в отдельные огромные контейнеры. Я оттуда приволок себе тумбочку, раскладной стол, немного перепачканный краской, что совсем не кри-

тично. И даже табуретку. Делал я это ночью, так что никто из знакомых меня не видел. Да даже если бы видел, плевать.

Монету там оставлять нельзя. Каждая из них имеет большую ценность. Нахожу ее и возвращаю к остальным. Считаю и одну треть суммы бросаю в банку, на которой маркером написано «У меня есть план». Чтобы дед не спалил, никаких уточнений. Это моя тайна.

На столе остается несколько бумажных купюр: две пятисотки, двести рублей и еще пара сотен по сто. Неплохой улов, только не мой.

Черт побери, как же они мне нужны. Смотрю на свои потрепанные кроссы и скриплю зубами. Нет уж. Я слишком принципиальный, чтобы брать чужое. Несси заработала их своим танцем, ей и отдам при случае, даже если очевидно, что она в этих деньгах не нуждается. Но это уже не мое дело.

В животе предательски урчит. С этажа подо мной вытяжка забрасывает запах жареного лука. Я бы его сейчас сожрал ложкой со сковородки, а если раздобыть хлеба…

Телефон трезвонит, а я не пойму, где. Замолкает, снова звонит. По звуку нахожу его во внешнем кармане чехла от гитары. На экране суровое лицо деда.

— Что ты хочешь? — поднимаюсь из-за стола, едва не свалив стопку учебников.

— Спустись домой, поговорить надо, — как всегда, командирским тоном требует Фарид Камилевич.

— Обязательно сейчас? Я устал. — Стою посреди чердака и выглядываю в маленькое окошко под потолком, но там уже ни черта не видно, стемнело.

— Не заставляй меня подниматься, Динар.

Раздраженно фыркнув, закатываю глаза и отключаюсь. Мне почти семнадцать, а он разговаривает со мной как с младенцем. Ненавижу это, но послушно иду вниз, на последний жилой этаж нашей многоэтажки. Дверь не заперта, и я захожу в квартиру, острее ощущая запах жареного лука. Желудок снова урчит. В этот раз так громко, что наверняка соседи тоже услышали.

Полностью седой Фарид Камилевич складывает руки на груди и, нахмурив густые белые брови, смотрит на меня исподлобья. На видном месте рядом с курткой висит старый широкий ремень. В детстве мне иногда прилетало им по заднице за то, что сбегал из дома и забирался на самые высокие крыши района. Пятая точка горела потом несколько дней, а я все равно лез и представлял, что стою на самой большой сцене в мире со своей любимой гитарой, а подо мной не город, а ревущие от восторга фанаты. Каким же я был придурком! Главное, никому об этом не рассказывать.

— Я пришел, — заявляю деду, когда молчание заканчивается, а дурацкий ремень давит на нервы.

— Марш на кухню. — Он отходит в сторону, указывая мне направление, будто я не знаю, куда идти.

— Зачем? — Упрямо стою на месте.

— Динар, — угрожающе произносит он мое имя.

Снова вздохнув, шагаю на кухню. На плите две кастрюли, и аромат такой, что желудок не просто урчит, его сводит. Дед заходит следом. Гремит посудой, смачно шмякает на тарелку картофельное пюре и крупный фаршированный перец из второй кастрюли. Ставит передо мной. Я вижу в пюре золотистые вкрапления того самого жареного лука.

— Ешь. — Дед садится напротив и берет себе кусок ржаного хлеба.

Кожа на его натруженных пальцах огрубела и потемнела в некоторых местах. За последние несколько лет густые темные волосы превратились в белую шапку, а недавно он даже ходил в поликлинику. Не уверен, что когда-либо раньше слышал от него столько нецензурных слов. Было смешно.

Я сначала внутренне сопротивляюсь. Ушел в самостоятельную жизнь, значит, должен и питаться на свои. В принципе, примерно так дед и сказал, когда я перебирался на чердак. Все равно он меня кормит, правда смотрит все время вот так, как сейчас, тяжело, с укором.

Принимаюсь за еду и не замечаю, как тарелка пустеет. Остатки собираю с нее куском хлеба и его заталкиваю в рот.

— Не торопись, не на пожаре. Еще положить? — Дед поднимается из-за стола и забирает у меня тарелку.

Я хочу, да.

— Нет, спасибо, — произношу вслух.

Он наливает крепкий чай в две кружки и садится обратно.

— Мне сегодня из техникума звонили.

— Из колледжа, — поправляю его. Дед только хмыкает, и его ноздри вздрагивают.

— Ты опять два дня там не появлялся.

После девятого я думал, что с проверками покончено. Никаких дневников, никаких звонков домой, но куратор звонит деду, докладывая о каждом моем чихе.

— Нужно было работать, пока погода хорошая.

— И что ты делал? Ящики в продуктовом грузил или на стройке подсобничал с утра до вечера? — Фарид Камилевич издевается.

— Ты знаешь, что я играл. — Меня это задевает.

— Играл, — передразнивает дед. — Вот именно, что играл, а не работал. И учебы пропустил ради развлечения. Стоишь там как клоун, бренчишь на своей балалайке вместо того, чтобы получить стабильную, серьезную специальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.